

Аналитический
Доклад
1 августа 2011 г.

ЭКСПЕРТНАЯ РАБОЧАЯ ГРУППА
Ташкент, Узбекистан

**Взгляды
узбекоязычного
джихадизма**

**СУХРОБЖОН
ИСМОИЛОВ**
Директор ЭРГ

Предисловие от Экспертной Рабочей Группы

Предлагаемый доклад анализирует одну из самых актуальных, но мало изученных тематик – идеологию узбекоязычного джихадизма с точки зрения ее идеологических источников, главных акторов и их взаимосвязи с подобными силами на региональном и глобальном уровнях, ее роли в мировой геополитике, в частности в соседнем Афганистане.

Подготавливая данную работу на публикацию, мы с автором осознаем, что из-за неоднозначности выбранной тематики, возможно автор исследования и Экспертная рабочая группа, поддержавшая данную работу, привлекут к себе такую же неоднозначную реакцию, а возможно и негативное восприятие, представителей самых разных заинтересованных сторон, включая представителей рассматриваемых здесь джихадистских организаций, исламских улемов и правительства. Но тем не менее, мы считаем, что ожидаемый результат от настоящей работы достигнут, проведена объективная, сбалансированная оценка идеологии узбекоязычного джихадизма, отмечены основные риски и угрозы, факторы, способствующие им, а также стратегии выхода и основные сценарии развития ситуации.

Безусловно, предлагаемое исследование первый шаг в направлении изучения представленного феномена и ее роли. Более того, поставленный вопрос исследования видимо будет еще долго оставаться актуальным в виду продолжающейся конфронтации свободы религии и государства в Узбекистане, обостряемой текущими социально-экономическими проблемами и авторитарным характером государственного правления.

Свобода религии и оценка политики государства в отношении религиозного экстремизма в Узбекистане является одной из основных программ Экспертной рабочей группы.

Ташкент, Узбекистан

**КАМОЛИДДИН
РАБИМОВ**
Политолог

Предисловие от автора доклада

У меня давно назрела идея написать какую-нибудь исследовательскую работу о двух джихадистских организациях, которые говорят на узбекском языке: Исламское Движение Узбекистан и отделение «Маварауннахр» Союза Исламского Джихада, об их терминологии, мотивациях, глубинных мышлениях и идеологиях.

В конце 2010 года я обратился к Сухробжону Исmoilову, руководителю Экспертной Рабочей Группы, и рассказал об актуальности такого рода исследования, в котором была бы предпринята попытка проанализировать хотя бы некоторые аспекты идеологий вышеупомянутых организаций.

Я благодарен Сухробжону Исmoilову за то, что он с радостью принял мое предложение о сотрудничестве в подготовке и публикации данного исследования в рамках проектов ЭРГ. Также, я ему выражаю свою благодарность за содействие в достижении взаимопонимания с некоторыми уважаемыми нами сторонами, без чьей поддержки данное исследование не состоялось бы. Как говорится на французском языке: «Merci beaucoup».

Несмотря на то, что доклад подготовлен в течение почти полгода, я не смог строго систематизировать его содержание. Я бы просил наших уважаемых читателей воспринимать наблюдения и выводы, изложенные в настоящем исследовании, как постановка вопроса вокруг сложного феномена.

Убежден, что обсуждаемая тема настолько актуальна и в ближайшие годы не будет терять свою остроту, что стоит об этом писать еще много научных работ.

Франция

Двадцатый век стал веком рассвета мирового атеизма. На господствующем фоне глобального представления о неизбежном и безвозвратном уходе всех религий в историю, примерно с середины, особенно, с последней четверти двадцатого века, самая молодая монотеистическая религия планеты – ислам начал проявлять неожиданную и даже странную, для внешнего мира, динамику. В первой половине двадцатого века мусульманский мир искал свой путь развития между двумя мировыми системами-конкурентами: социализмом и демократическим капитализмом. Мусульманскими мыслителями в те годы даже были созданы разные, порой гибридные концепции, где часть идей была заимствована от ислама, а другая часть – от вышеупомянутых систем.

Однако, вторая половина двадцатого века принес мусульманскому миру много разочарований, данная эпоха была наполнена испытаниями и трудностями, конфликтами и войнами. В последней четверти прошлого века мусульманский мир стал источником нескольких событий, ставшими причиной отмены глобального представления о том, что религии, раз и навсегда ушли из сознания и политической сцены человечества.

Внутренний динамизм и политическое возрождение ислама имеют несколько основных направлений. Значительная часть исламского мира вновь и вновь обращался к исламу, видя в нем устойчивую идеологию **СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ**. Многие исторические события внутри мусульманских стран были и остаются связанными с тем, что ислам своими последователями воспринимается, как мерило социальной справедливости.

Другое направление было связано с тем, что в конфликтных пространствах ислам неизбежно и закономерно рассматривался, как **ИДЕОЛОГИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ**. Это направление проявило себя в изнурительных процессах Северной Африки, Ближнего Востока, особенно Палестины и в иных территориях мусульманского мира. Интерпретация религии, как идеологии сопротивления имеет несколько векторов. Консервативные мусульманские мыслители во имя ислама напрочь отвергали социализм, национализм, либерализм. А практическая сторона сопротивления выражалась в физических столкновениях.

Еще один вектор активности ислама проявлялся в том, что мусульмане рассматривали ислам, как **ИДЕОЛОГИЮ ИНТЕГРАЦИИ** мусульманского мира. Интегризм (интеграция+изм), как политическая идеология, изначально была встроена в глубокое сознание исламской уммы в процессе ее становления. Ожидается, что это вектор политической активности ислама будет иметь особое значение в перспективе - в следующих этапах глобализации, когда мир будет вынужден искать более глобальные формы идентичности, форматы сотрудничества и интеграции. Все эти направления социально-политической активности мусульман были объединены в общую платформу, которую можно назвать **ИДЕОЛОГИЕЙ АБСОЛЮТИЗМА**, то есть, набором идей и директив, исходящие от самого Всевышнего и его последнего пророка (с.а.в.).

Ислам как идеология сопротивления имеет долгую и сложную историю. Конец двадцатого и начало двадцать первого века ознаменованы феноменальным проявлением религиозно мотивированных сопротивлений или противостояний внутри и вокруг мусульманского мира. В Палестине, в событиях 11-сентября 2001 года, в Ираке и Афганистане основной формой сопротивления / противостояния стал феномен джихадизма. Примечательно, что к концу двадцатого века «джихад» успел стать самостоятельным политико-философским течением внутри ислама, который не обращает внимания на чье-либо общественное мнение.

Вторым после Ближнего Востока центром мирового джихадизма за последние десятилетия стал Афганистан. Здесь, вместе с бескомпромиссными пуштунами-талибами, в тесной координации воюют люди и группы, которые родились во вчерашней атеистической империи мира – СССР. Империя, которая пала, в том числе, после изнурительных походов и столкновений здесь же – в Афганистане. Вчерашние пионеры, комсомолы и члены компартии

социалистических республик Средней Азии, особенно, Узбекской ССР – сегодня с оружием в руках воюют в Афганистане, теперь против США и НАТО.

Моджахеды (люди, которые совершают джихад – прим. автора) из Узбекистана не просто воюют. За прошедшие годы, они успели сформировать устойчивую идеологию джихадизма. Сегодня на узбекском языке нет серьезной литературы или фундаментальных научных статей по либерализму или социальной демократии, однако, интернет пространство в себе накапливает множество материалов на узбекском языке о джихадизме. Общество Узбекистана, на фоне жесткого, затяжного и экзистенциально безыдейного авторитаризма, испытывает небывалый духовно-интеллектуальный кризис. Узбекоязычные джихадистские организации, Исламское Движение Узбекистан и отделение «Маварауннахр» Союза Исламского Джихада, наоборот, предпринимают значительные шаги для привлечения к себе внимание узбекского общества, заполнить сознание мусульманского общества Узбекистана своими идеями.

Мониторинг ситуации показывает, что ежегодно только Исламское Движение Узбекистан выпускает от 30 до 50 продуктов информационно-агитационного характера (видеофильмы и аудио файлы различных форматов и объемов; обращения; реакции; журналы и статьи; стихи; рассказы). Его полнометражные видеофильмы ныне выпускаются не только на узбекском, но и на русском, немецком, пуштунском, арабском, английском и турецком языках, эти продукции распространяются по многочисленным средствам массовой коммуникации.

И н с т и т у т д ж и х а д а в и с л а м е

Большинство комментариев и анализов вокруг феномена джихадизма носит либо эмоционально окрашенный характер, либо находится в узкой идеологической или политической плоскости. В немусульманском массовом представлении джихад стал почти синонимом терроризма, бескомпромиссной борьбы религиозных радикалов. В свою очередь, окол властные религиозные ученые в мусульманском мире настаивают на позиции, что «так называемые моджахеды – заблудившиеся, которые замаскировавшись исламом, совершают свои преступления». Мусульманский мир в целом разделился на разные части, и между собой ожесточенно спорит о последствиях деятельности, мышлении и поведении джихадистских организаций и лиц.

Как говорится, в войне нет романтики. Война, военные группировки и воины никогда не вызывают всеобщую симпатию. Когда речь идет о таком сложном феномене, как джихадизм и моджахеды, исследователи, общественные деятели и рядовые граждане часто довольствуются морально-нравственными оценками. Однако, задача беспристрастного исследователя не заключается в эмоциональной оценке джихада и его исполнителей. Исследователь должен стремиться дать адекватное объяснение противоречивой и сложной ситуации, которая бытует вокруг спорных понятий, как «джихад», «моджахед», а не пытаться идеологически мотивированно критиковать или оправдать стороны.

Я хорошо осознаю, что затрагиваю непопулярную и даже рискованную тему. Многие мои друзья и уважаемые мною люди, как светских, так и религиозных взглядов, могут воспринимать данный доклад настороженно и неоднозначно. Однако реальность и проблемы существуют сами по себе, нельзя их избегать простым замалчиванием. Поэтому, я решил рассмотреть некоторые аспекты в идеологических взглядах Исламского Движения Узбекистана и отделения «Маварауннахр» Союза Исламского Джихада. Сами эти организации, их нынешнее состояние, количество и состав участников, их связи и планы не являются основным предметом данного исследования. Однако набор идей, которые формируются этими двумя организациями на узбекском языке, становится самостоятельным фактором, не зависящим от состояния вышеуказанных организаций. Известно, что идеи не умирают, и тем более, в условиях глобализации и информатизма.

Что касается идеологии джихадизма, целесообразно определить этот феномен на фоне сложной и противоречивой ситуации, в которую данный институт ислама входит, и попытаться дать взвешенную оценку с тем, чтобы понять мышление, внутреннюю логику, механизмы, свойственные феномену джихада. То есть, необходимо именно такое определение джихада, в котором максимально адекватно отражались бы условия его возникновения, мотивы тех, кто к нему обращаются.

Адекватное понимание предназначения института джихада с точки зрения ислама и мотивации сторонников его применения в тех или иных ситуациях дало бы возможность представлять целостную картину сложной реальности, и тем самым, способствовало бы принятию более ответственных и адекватных решений различного уровня. В условиях глобализации, когда вопросы безопасности, стабильности и развития во всем мире крепко переплетены, актуальность адекватного понимания условий возникновения и исчезновения подобных движений и организаций, становится условием обеспечения безопасности и развития.

Ислам – эта цивилизация, направляющая свои взоры на другой мир, на следующую жизнь. Жизнь, которая, по мнению ислама, несомненно, наступит после смерти человека и человечества. Потусторонняя жизнь, имеющая вечный характер, по убеждению ислама, однозначно важнее, чем жизнь в этом мире. Краткосрочная жизнь в этом мире – является окончательным экзаменом для всех людей, является определяющим условием для их судеб в следующей жизни¹. Тем самым, ислам старается максимально предупредить каждого и всех, что есть другая - долговечная жизнь. Жизнь, в которой каждого человека, в соответствии с его мышлением и поведением, ожидает вознаграждение или наказание. Условием избегания мучительного наказания и получения вознаграждений является соблюдение богобоязненности и праведности.

Праведность – это мышление и поведение человека / общества, максимально соответствующая тому одобряемому образу, который вытекает из первоисточников ислама (Коран и Сунна). Ислам, ради защиты мусульман от мучений и наказаний в последующей жизни, сильно позаботился о сильной и устойчивой системе обеспечения праведности.

У каждой цивилизации, религии имеются свои заботы и страхи. В глубоком сознании ислама сидит забота и страх о судьбе человека в «ахира». Он настаивает, что какая-то быстротечная, не всегда осознанная, короткая жизнь человека в этом мире становится решающим условием для его вечного состояния в другом мире. Согласно исламу, люди должны активно готовиться к «ахира». Ислам объявил себя последней религией единого Бога, воспринимает себя продолжателем иудаизма и христианства, утверждает, что предыдущие религии отклонились от праведной, строго монотеистической пути Всевышнего, что создает некорректируемую угрозу для безопасности их последователей в иной жизни. Ислам предоставляет несравненно больше, чем в иудаизме или христианстве, информацию о рае, аде, о смысле жизни, о Боге и его директивах по отношению к людям. Эта информация систематизирована в единую логическую структуру. Изменения хотя бы тональности в восприятии этой информации, нарушение систему ценностей, исламом оценивается, как преступление по отношению к судьбам людей в этой и иной жизни.

Именно по этому, исламом предусмотрены институты, которые по всем флангам выставлены в целях защиты, как саму религию, так и состояния праведности. В период

¹ К сожалению, арабское слово «آخرة» [аахира], существующее во многих языках мусульманских народов, на русском языке не имеет точного аналога перевода. Согласно исламской доктрине, после смерти, люди определенное время будут находиться под землей. Когда закончится вся человеческая цивилизация и все до единого погибнут («конец света»), через определенное время Бог воскресит всех живших на земле людей одновременно. Воскрешение людей – это всего лишь начало «ахира», потом начинается суд над каждым человеком и в соответствии с их деяниями, они попадут либо в рай, либо в ад. Смысловой / содержательный перевод термина «ахира» приблизительно можно излагать следующим образом: «жизнь, которая начинается с воскрешением / конечной жизни всего человечества», и охватывает период, начиная от воскрешения людей, заканчивая их вечным пребыванием в раю или в аде. Стоит подчеркнуть, что концептуально, исламский «ахира», хотя в целом функционально совпадает с «судным днем» в христианской доктрине, существенно отличается от последнего

становления ислама, как религии в седьмом веке, джихад был сформирован именно в качестве одного из основных институтов, стоящих на страже религии и праведности.

Очень часто мусульманские ученые увлекаются спорами вокруг понятия и разновидностей «джихада», (большой, средний и малый джихад), стремясь направить его толкование в то русло, адаптированное больше всего под общественное мнение местности. Очень часто, характеристики, даваемые как отдельным институтам ислама, так и всей религии, носят фрагментарный и ситуативный характер. Представляется, что джихад имеет целостную логическую структуру и охватывает в себе разные уровни.

«Джихад», то есть «максимальные усилия / усердие» по сохранению, укреплению и наращиванию «праведности» имеет особо важное значение на первичном, индивидуальном уровне. «Большой джихад» - усилия, направленные на индивидуальный вектор мышления и поведение, с целью усиления религиозности индивида. Общество состоит из индивидов, а мышление и поведение отдельных индивидов образуют базу и фундамент для социальной культуры, политики государства и всего сообщества. Поэтому первоисточники ислама и исторический опыт мусульман были направлены на укрепление и наращивание центральной ценности ислама – веры и праведности. «Большой джихад» имеет структуру постепенного возрастания от индивида к обществу.

«Среднее усилие» (то есть, «средний джихад») - это некий взаимный общественный контроль между мусульманами, цель которого не допустить отклонения от пути праведности всего мусульманского общества.

«Малый джихад» - третий по значимости уровень совершения усилий ради интересов ислама и мусульман. Этот уровень джихада в целом можно назвать «оборонительным» от всякого рода внешних угроз.

Необходимо адекватно оценить значимость количества и смысла упоминаний «джихада» в первоисточниках ислама. Следует отметить, что Коран и Сунна создали основательную доктринальную базу института «джихада», а правовая система ислама имеет целый раздел «фикх (право) джихада».

«Малый джихад», то есть, военная форма джихада исламом изначально была заложена, как «военно-политическая доктрина» ислама. Данная аналогия достаточно адекватно раскрывает ту религиозно-правовую базу ислама, закрепленную в первоисточниках ислама и усиленную историческим опытом первых мусульманских государств. Необходимо подчеркнуть, что по своей природе, ислам является государствообразующей религией. Его сильная склонность к государственности со всеми вытекающими отсюда последствиями, стала особо отличительной характеристикой этой религии от остальных. Исходя из этого, ислам, в первых же веках своего становления, сформировал свою «военно-политическую доктрину».

На современных этапах развития все государства имеют свои военные и военно-политические доктрины, и это естественно. Эти доктрины определяют теоретические, потенциальные и / или реальные угрозы и способы отражения этих угроз. Другие религии тоже имеют схожие военно-политические доктрины, например, иудаизм или христианство, предусмотревшие разные угрозы на веру и способы борьбы с ними, учредили понятие «священных войн» и когда-то реализовали эту идею.

В истории ислама были случаи, когда «малый джихад» был истолкован, как правовая основа для миссионерских походов, или же, как превентивное нападение. Однако, в первоисточниках ислама выстроены четкие регламентации о степенях важности наступательного и оборонительного джихада с последующими уровнями мобилизации мусульман. Известно, что ислам имеет свою систему оценок мышления и поведения².

² В исламе ни одно деяние не может оставаться без религиозной оценки. Присвоение таких фундаментальных оценок, как «фарз» (высшая степень обязанности мусульман), «важиб» (обязанность мусульманина), «халал» (дозволенный), «харам» (запретный) являются прерогативой Всевышнего. Для того, чтобы оценить какие-то деяния через призму этих критериев измерения, в Коране должны быть неопровержимые доказательства. Также, система оценок мышлений и деяний ислама состоит из «сунны» (условно можно переводить как «высказывания, традиции и ситуативные одобрения Пророка с.а.в.»), и иных менее значимых критериев. В свою очередь, «фарз»

Согласно этой системе оценок, «превентивный/наступательный джихад» имеет статус «фарз кифая», то есть, в этом джихаде не обязательно участие всего мусульманского общества, от него освобождены женщины, финансово-материальные должники, дети, старики и иные социально уязвимые слои населения.

А если произошло нападение на земли ислама извне, джихад приобретает совсем иной правовой статус, он становится «фарз айн» - в этой оборонной войне обязаны участвовать почти все без исключения мусульмане.

Из-за важности защиты и укрепления территорий исламской уммы, в первых же веках ислама в религиозной юриспруденции сформировался раздел «фикх джихада». Этот раздел фикха подкреплен весьма авторитетными, взаимодополняющими источниками мусульманского права: стихов Корана, высказываний пророка (с.а.в.), умозаключения авторитетных имамов и мыслителей ислама. Согласно «фикху джихада», если нападение произошло на какую-то часть земли, допустим, на пункт «А», то для всех мусульман в радиусе 85 км джихад становится «фарз айн» - персональной обязанностью высшей степени. А для мусульман за пределами 85 км – «фарз кифая» до тех пор, пока сил для обороны в установленном радиусе этого конфликта достаточно. Если сил не достаточно – зона, объявляемой «фарз айн» расширяется до тех пор, пока нужды на необходимые ресурсы не будут удовлетворены.

«Фикх джихада» четко устанавливает условия, необходимые для объявления джихада, дозволенные и недозволенные формы, методы ведения боев, устанавливает кодекс поведения воинов (моджахедов), а также правила, касающиеся прав пленных и врагов. В целом, в этом разделе фикха даны ответы на многие вопросы. Например, «можно ли сжечь спелый урожай, если им могут воспользоваться враги», или «как поступать с домашним скотом, если приходится срочно покинуть местожительства и нет возможности взять их с собой» и т.д.

Современная идеология джихада состоит из нескольких важных компонентов. Это, в первую очередь, религиозно-политическая оценка ситуации конкретной мусульманской территории, например, Афганистана, Палестины или Ирака. В этих оценках, с точки зрения религиозных стандартов, ситуация анализируется очень критически. Задача от такой критической оценки одна - обосновать необходимость введения в действие института джихада. Следующим важным компонентом является собственно фикх джихада, который регламентирует все процессы, протекающие в рамках этого феномена.

Приведем простой пример из реальной ситуации: ситуация в Афганистане. С точки зрения ислама, Афганистан – мусульманское государство с мусульманским населением. Претензии к поведению талибов, с точки зрения ислама, не могут служить оправданием для свержения «исламского эмирата» и «оккупации страны неверными». На самом деле, ислам обязывает во всем руководствоваться религиозными категориями. Тем самым, с точки зрения классического ислама и мусульман, строго соблюдающих каноны классического ислама, «Афганистан оккупирован со стороны не мусульман». Жестокость, неадекватность талибов даже по отношению к мусульман Афганистана, с точки зрения религиозных источников, не может быть правовым основанием для их свержения внешними, немусульманскими силами. Исходя из этого, религиозный центризм ислама и консерватизм части мусульманского мира устанавливает, что «в Афганистане назрела ситуация для введения в действие института джихада», что и было сделано.

Как обычно, вокруг какого-то одного вопроса мусульмане руководствуются разными приоритетами. Такая же ситуация наблюдается и в Афганистане. Для мусульман дальних расстояний ситуация в Афганистане может быть оценена, как вопрос геополитики, или же геоидеологии. Они либо сохраняют нейтралитет, либо негативно относятся к операциям НАТО. Эти категории людей не хотят принять во внимание устойчивость исламского фактора в

тоже делится на «фарз айн» (высшая степень обязанности для каждого мусульманина, включая женщин, стариков и иных, не очень дееспособных категорий людей) и «фарз кифая» (высшая степень обязанности мусульман, выполнение которых часто имеет гендерные, социальные или иные исключительные или облегчающие характеристики)

Афганистане, и что состояние ислама и мусульман в этой стране лишь трансформируется в более сложное, но мирное и динамичное русло.

Но для мусульман самого Афганистана, знавших, что такое режим Талибана, приоритетом может быть не только религиозный фактор, но и вопросы безопасности, стабильности и свободы от жестоких принуждений.

«Религиозная оппозиция» (по выражению российских экспертов) или «повстанцы» (по выражению сил коалиции) в Афганистане, то есть, талибы, и их многочисленные компаньоны давно объявили джихад против сил коалиции и правительства страны. Система определения легитимности ситуации в Афганистане у талибов достаточно проста: при талибах Афганистан официально был «Исламским эмиратом Афганистан», власти руководствовались (а точнее, имитировали, что руководствовались) исключительно шариатом. Достаточно или не достаточно, но был взят курс претворения в жизнь слов Всевышнего. Однако эмират был свергнут силой. Объявленной талибами джихад против сил коалиции, для определенных социальных и религиозных слоев мусульманского мира и регионов, молчаливо воспринимается как легальная, легитимная форма сопротивления.

Стоит обращать внимание на глобальную динамику восприятия и изменений феномена джихада внутри мусульманского мира. К сожалению, пока не доступны социологические или иные исследования, дающие основания для точных сравнительных анализов изменений хотя бы за последние два века. Однако, индивидуальные наблюдения дают основания полагать, что изменения более чем очевидны. Такие измерения условно можно было бы назвать «индексом динамики джихада». В начале прошлого двадцатого века почти все мусульманские территории столкнулись с внешними силами.

Мусульманское население современной Центральной Азии, тогда еще Туркестана, столкнувшись с силами царской, а позже красной армии, сформировали свои силы сопротивления. Терминология, мотивация и идеология тогдашних сил сопротивления народно-освободительных сил (в годы бывшего СССР их называли «Басмачами» на узбекском языке или «грабителями» в переводе на русский язык) Туркестана против оккупации царской и красной армии, ныне хорошо известны. Если сравнивать их терминологию, мотивацию и идеологию с нынешними силами сопротивления в Афганистане, то выводы однозначны: на лицо продолжающийся процесс кристаллизации, углубления и расширения идеологии джихада. Данный вывод также действителен и по отношению к многочисленным событиям и движениям Ближнего Востока, Северной Африки и иных континентов мусульманского мира. Однако тут стоит подчеркнуть, что здесь речь идет о грубом сравнении состояний этих идеологий, а не о популярности и расширении движений сопротивления.

Глобализация способствовала и способствует легкому обмену, объединению и трансформацию всяких идей, в том числе и идеологии джихада.

Известный американский политолог Збигнев Бжезинский, анализируя последствия глобализации, часто повторяет одну мысль. По его утверждению, главная особенность и даже проблема глобализации – это не экстремизм и не терроризм, а всеобщая политическая активизация масс. «Пробуждение масс» - так он охарактеризовал стремительную активизацию людей по всему миру за последние несколько десятилетий. СМИ, интернет и современные информационные технологии становятся катализаторами пробуждения и политизации самых широких слоев населения земного шара. Также, по мнению З. Бжезинского, терроризм – это только инструмент и симптом болезни.

Исторически, в мусульманских обществах была сформирована система, в которой, имамы и иные религиозные деятели играли основную роль в интерпретации первоисточников ислама, а подавляющее большинство не спорило с религиозными деятелями. Это была своеобразная «монополия религиозного класса над религиозной сферой». Такая традиционная система общественных отношений не допускала независимых, произвольных, индивидуальных интерпретаций Корана и Сунны. Контроль властей вкупе с религиозными авторитетами над обществом, в том числе по интерпретации первоисточников религии был настолько сильным, что отклонение от установленного религиозного курса почти не допускалось. Этому также

способствовали принципы ислама о недопустимости вольных интерпретаций, однозначно негативное отношение к тенденциям, квалифицируемых как «разделение исламской Уммы», «*тафрик*» (сектантство).

В условиях локализма (который в противовес глобализации олицетворяет локальность обществ, государств и регионов, сильная ограниченность их взаимовлияния), устойчивая традиционная система религиозных авторитетов, тщательно контролирующая интерпретацию первоисточников ислама, не допускала возникновения обстоятельств, могущих оспаривать их авторитет. Состояние мусульманских обществ до глобализации было настолько традиционным, что все в обществе «знали свои места» - общественное мнение и массовое сознание находились в стабильной «гармонии», статус властной и религиозной иерархий был почти неоспоримым.

Глобализация предоставила людям не только знание об окружающем мире, дала возможность глубже осознать свои проблемы, но также предоставила альтернативы, которые раньше мусульманские общества не могли себе представить: альтернатива взглядов, мышлений, поведений, а также альтернатива интерпретаций. Ныне, религиозные авторитеты не могут контролировать свои общества так, как это было в условиях локализма: уже существует жесткая конкуренция интерпретаций ситуации в мире и первоисточников ислама. Более того, находясь в разных географических местностях, но в интегрированном религиозном пространстве, как например, в Афганистане, Ближнем Востоке или в Узбекистане, исламские ученые, исламисты и моджахеды виртуально спорят между собой. Каждая сторона по-своему приводит неопровержимые доказательства своей правоты. А арбитром выступает сложная система исламского религиозцентризма, и реальность, складывающаяся в обсуждаемых территориях.

Возрождение и расширение идеологии джихадизма, несомненно, являются продуктом глобализации. Представим себе, например, ситуацию столкновения мусульман с не мусульманами на Ближнем Востоке в 18 веке. И тогда мусульманские улемы и правители, исходя из сложившихся обстоятельств, объявили джихад. Но этот призыв оставался исключительно локальным в силу многочисленных факторов. Но в современных условиях, между такими призывами и мусульманскими обществами нет каких-либо препятствий. Глобализация предоставляет верующим не только свободу альтернативного толкования первоисточников, но и разнообразную, ранее недоступную информацию, вызывающей у мусульман напряженность. Сюда стоит добавить год за годом нешуточно усиливающуюся идеологию джихадизма. Наблюдения показывают, что развитие идеологии джихадизма неразрывно взаимосвязано с критическим осмыслением текущей ситуации в мусульманском мире, статуса ислама и мусульман на глобальном уровне.

Джихадизм является симбиозным продуктом религиозной психологии восприятия жизни, смерти и потусторонней жизни и осознанием текущих проблем мусульманских обществ. А спорные с точки зрения ислама методы (как например, *фидаийя* - самопожертвование) объявления джихада вытекают из представлений моджахедов о несопоставимой мощи оппонентов и сверх критической оценки текущей ситуации мусульман.

Главный момент в объяснении социальных и религиозных корней психологии джихадизма заключается не в том, что в мышлениях мусульман были конструированы совсем новые элементы, а в том, что сильно изменились пропорции тех элементов, которые уже существовали. Механизмы интерпретации ислама, как идеологии сопротивления против «внешних угроз» не являются новым феноменом, и существовали раньше. Но внутреннее содержание этого феномена находится в быстрой трансформации. Это в первую очередь касается возникновения и расширения феномена «*фидаийя*» (самопожертвование).

Выработка идеологии джихадизма и интерпретация первоисточников ислама являются процессами, зависящими от отношения мусульман к конкретной ситуации. Исламский мир географически огромен, социокультурно разнообразен, а экономические ресурсы мусульманских обществ и геополитическая целесообразность исламских государств тоже сильно влияет на умонастроения, как рядовых граждан, так и влиятельных религиозных кругов. Это обуславливает максимальную противоречивость их интересов, и недопонимания одной

части мусульманского мира другой. Если некоторые регионы или общества мусульманского мира будут мечтать и добиваться политических свобод, то для другой части «сопротивление во имя ислама» будет оставаться приоритетом. Естественно, все эти противоречивые процессы и феномены, исходя из религиозности ислама, будут протекать под исламскими символами.

Основным интерпретирующим фактором первоисточников ислама являются не религиозные авторитеты, а социальные, политические и религиозные ситуации. Сознание и потребности религиозных лиц и мусульманских обществ стабильно выступают в роли тех инструментов, интерпретирующих первоисточников. А сознание и потребности всегда находятся в движении, изменении. То, что вчера было невозможным, завтра может стать реальностью. Допустим, некий имам по имени «Х» всегда жестко критикует джихадистов за их неразборчивость в выборе средств, за неприемлемое поведение по отношению к другим религиозным авторитетам. Однако получив новую информацию из полей сражения между джихадистами и их немусульманскими оппонентами, его мнение может кардинально меняться. Теперь он может проявлять больше понимания к джихадистам.

Общественное мнение и отчасти массовое сознание обществ мусульманского мира напоминает живой организм: общества определенно адаптируются на условия своей почвы и исходя из своих пониманий, интересов и приоритетов, вырабатывают свои позиции. При этом, центральные ценности и интеграционный потенциал ислама всегда сохраняются. Если привести пример вышесказанному, то часть обществ Афганистана, Ирака и особенно приграничные мусульманские общества Ближнего Востока закономерно более склонны рассматривать ислам, как идеологию сопротивления, и в восприятии института «джихада» они по умонастроению существенно могут отличаться от остальной части мусульманского мира. Однако, для большинства мусульман в стабильных обществах нужен мир, они склонны осуждать сторонников применения джихада. Впрочем, ислам, устанавливая военно-политические измерения объявления «джихада», также установил географические классификации конфликтной местности с тем, чтобы определить степень ответственности участия мусульман.

В исламе есть механизм выявления целесообразностей. Внутри ислама построена очень устойчивая логическая система восприятия окружающего мира, мышления и поведения. При возникновении новых обстоятельств, ислам настаивает исходить из целесообразности приоритетных задач. Именно целесообразность становится отправной точкой легитимизации всех форм мероприятий «обоснования и сопротивления» джихадизма, в том числе «фидоийлик» (самопожертвование).

Теперь о причинах, способствующих притоку новых членов к джихадистским организациям, как ИДУ и СИД в Афганистане. Их можно разделить на внутренние и внешние факторы. Информационные материалы обеих организаций ярко иллюстрируют, что ежегодно к ним присоединяются определенное число новых членов из дальних стран, как например, из Северной Африки или благополучной Европы – их количество не очень большое, но все равно, они есть. Это, помимо постоянных притоков из стран региона: Пакистан, Узбекистан, Таджикистан, Россия, Турция, Киргизия и Казахстан. Достоверно известно, что путь джихада выбирают вполне состоятельные, находившие свое место в жизни, люди. Здесь сложно указать на общий фактор, объединяющий социокультурно разных людей в одно единое в ряды ИДУ или СИД. Представляется, что даже уровень религиозности не является тем индикатором, способствующим их выбору образа жизни: ведь среди джихадистов есть люди, которые, в момент прибытия в ряды джихадистских организаций были знакомы с основами религии достаточно поверхностно.

Вместе с тем, здесь можно было бы предложить гипотезу, согласно которой, люди из дальних расстояний присоединяются к ИДУ, СИД и вообще, талибам, под воздействием следующей сложной комбинации факторов. Во-первых, неудовлетворенность в индивидуальной жизни / или поиск новых ощущений. Во-вторых, ярко выраженная религиозная идентичность, иногда это сочетается с политизированным сознанием. В-третьих,

обстоятельства, принуждающие покинуть родной дом. И наконец, представление о / доступ к информации о джихадистских организациях в Афганистане и способах присоединения к ним.

Большинство людей, избирающие путь джихада, хорошо осознают, что они идут на войну, что там их рано или поздно постигнет биологическая смерть. Именно поэтому, прибыв в ряды джихадистов, их психология трансформируется в особое состояние, их мышление и поведение обуславливаются предсмертными мотивами, у них наблюдается форсированное усиление компонентов религиозных взглядов и ожиданий от Бога.

Внутри ИДУ и СИД строго действуют правила шариата. Если кто-то совершил какой-то грех, то наказание осуществляется в рамках шариата. Моджахеды часто повторяют, что «лучше получить маленькие наказания в рамках шариата в этом мире, чем наложить тень на репутацию мученика в следующей жизни».

Что касается внутренних факторов, способствующих увеличению членов ИДУ и СИД за счет граждан Узбекистана, то они очевидны. Не все вышеперечисленные гипотезы подходят для реалий Узбекистана. Здесь, подавляющим фактором является «обстоятельства, вынуждающие покинуть родной дом и страну». Я долго наблюдаю за ИДУ и СИД, и полагаю, что это фактор является постоянной причиной присоединения к ИДУ и СИД примерно для 60 % членов организаций из числа граждан Узбекистана. Приведенная здесь цифра не имеет статистических доказательств, однако, фактом является то, что избегая репрессий, люди бегут, и предпочитают смерть на свободе и войне, чем в тюрьме в результате пыток.

Термин «репрессия» имеет тяжелую смысловую нагрузку. Политику официальных властей Узбекистана по отношению религиозных лиц нельзя назвать иначе, кроме как «последовательная и жесткая репрессия». Репрессивный комбайн официального Ташкента, который уже не в состоянии остановиться, преследуют тысячи и тысячи верующих – большинство из них не исламисты, и тем более, не джихадисты, а просто люди со сравнительно высоким уровнем религиозности. Это такой грозный комбайн, моторы которого перегрелись, а тормоза давно сломались, он уничтожит все, что попадет на его пути.

Раньше люди часто бегали от этого комбайна на север – в Казахстан, и через нее в третьи страны. Но совсем недавно Казахстан стал проявлять больше понимания к своему соседу. В середине этого года из Алматы в Узбекистан были экстрадированы 29 беженцев, ищущие убежище от репрессий. Казахстан их вернул, зная, что они не джихадисты, не террористы и не экстремисты. Их экстрадировали в то время, когда Казахстан был председателем Совета Министров Иностранных Дел Организации Исламской Конференции. В этих условиях, путь бегства на север, для верующих людей Узбекистана, является закрытым.

Ситуация в Киргизии еще хуже. Там, неким гарантом безопасности человека становится срез глаз, характерная внешность и знание киргизского языка. Прошлогодня попытка устроить полномасштабный геноцид в отношении узбеков закончилась более «скромными» результатами – лишь преступлением против человечности. Наблюдения показывают, что данное обстоятельство также повлияло на расширение численности количества членов ИДУ и СИД. Последние информационные продукты обоих джихадистских организаций указывают на то, что после прошлогодних событий в Оше и Джалалабаде, некоторые пострадавшие этнические узбеки избрали путь отщепенства и джихада. Вместе с тем, стоит отметить, что ИДУ и СИД всегда были интернационалистскими организациями, они всегда критиковали национализм. В рядах ИДУ и СИД есть этнические пуштуны, тюрки, татары, чеченцы, киргизы, казахи. Например, один из полевых командиров ИДУ является этническим киргизом, который прекрасно владеет как киргизским, так и узбекским языками. После прошлогодних июньских событий в Киргизии именно он огласил позицию ИДУ о том, что при новых обстоятельствах на юге стране вступает в силу принцип фикха джихада «О введении в действие джихада в Киргизии с целью защиты мусульман от насилия и несправедливости». Это было примерно через три-четыре месяца после тех трагических событий. При этом, в оценках ИДУ всегда подчеркивается, что киргизы – все таки, мусульмане. А проблемой в Киргизии, по мнению ИДУ и СИД, является марионеточная и неверная власть республики.

Здесь примечательны слова одного человека из Узбекистана, ныне находящийся в одной из стран Ближнего Востока. Его высказывания весьма удачно раскрывают полуофициальную позицию ИДУ и СИД, и феноменальным образом показывают параметры лишения религиозной легитимности властей Киргизии: *«Это незамужняя женщина - выскочка, которая открыто похвасталась своим неверием и отрицанием Всевышнего, Создателя, и считает себя атеисткой, ради власти не устала прыгать, как таракан. Во власти этой нации оказались такие люди, которые открыто не верят, или делают вид, что верят. Они никакие не мусульмане. Эти пришельцы массово убивали узбеков в их родной, исторической земли... Эти неверные массово убивали внуков имама Бухари, Термизи, Хarezми...»*. Вместе с тем, было бы неправильно полагать, что ИДУ лишено националистических или этнических взглядов. В мышлении и поведении ИДУ гибкая форма узбекоцентризма сохраняется внутри оболочки исламоцентризма.

Если вернуться к арифметике расширения членов джихадистских организаций, в Узбекистане имеется такое обстоятельство, что иногда некоторым верующим мужчинам не остается иного выхода, кроме как выбрать маршрут на юг – Афганистан, и присоединиться к ИДУ или СИД. Допустим, ежегодное количество новых членов только из одного Узбекистана, в зависимости от разных периодов, составляет примерно от 50 до 130 человек. Такое разовое количество (130 человек) в отдельности ежегодно может стать причиной смерти от 15 до 30 солдат сил коалиции, и до 50 солдат и полицейских Афганистана, Пакистана. Общее количество ежегодных жертв конфликта со стороны сил коалиции, военных и полицейских Афганистана и Пакистана, и тем более, случайных жертв среди мирного населения, хорошо известно.

Официальный Ташкент наверно уже устал повторять, что «Афганский вопрос не имеет военного решения! Необходим поиск политических решений!». Однако, внутри страны делается все, в результате чего узбекоязычные джихадистские движения за пределами страны только нарастают. Ташкент не предпринимает и не думает предпринять ни одного шага для достижения политического решения проблемы внутри Узбекистана. В этом вопросе политический режим в Узбекистане не в состоянии думать о чем-либо ином, кроме как об удобных для него репрессиях. Жестко преследуя дома даже не джихадистов, а просто религиозных лиц, Ташкенту даже не стыдно говорить о «политических решениях в Афганистане».

Удивительно то, как на это смотрит мировое сообщество, особенно, либеральный Запад. Наверно Западу кажется, что, как бы это не показался недемократичным, руководство Узбекистана занимается уничтожением радикалов. Но с другой стороны, в ходе обеспечения

насильственного, а не выстроенного в глубоком убеждении общества светскости, в сознании общества происходят сложные реакции. Выполнение задачи «сохранить узбекское общество в очищенном, и безупречном светском виде», как это стараются делать власти Узбекистана, требует постоянного насилия и крови, причем, много крови.

Двадцатилетняя борьба властей Узбекистана против «экстремизма и терроризма» не привела к уничтожению ИДУ, наоборот, джихадистских организаций и лиц из Узбекистана и вокруг него стало больше, сформировалась устойчивая идеология джихада на узбекском языке. Теперь эти организации являются составной частью более могущественного движения – талибов. В результате «политики насилия», в Узбекистане создана неконкурентоспособная и нелегитимная политическая система, светские устои государственности пропитаны насилием, а не убеждением. Правительство Узбекистана не смогло системно решать фундаментальные задачи по укреплению государственных устоев, наоборот, оно оставляет за собой сложные и далекие от своего решения, проблемы. Естественно, одним из центральных проблем такого характера является поиск баланса между свободой религии, безопасности и системным развитием страны.

Стоит полагать, что участие запада в формировании гражданского общества и демократического государства в Узбекистане и всего центрально-азиатского региона – это не любезность и не миссионерская деятельность, а должно быть оценено и воспринято, как хладнокровный расчет по созданию прочных условий для региональной безопасности и стабильности. Ведь, если центрально-азиатский регион с шестидесятимиллионным населением столкнется с устойчивыми проблемами, то запад, особенно Европа, будет непременно ощущать их негативные последствия. Это помимо того, что силы коалиции уже сейчас теряют своих солдат на войне с талибами и их узбекскими коллегами.

О мероприятиях по самопожертвованию

Союз Исламского Джихада и Исламское Движение Узбекистана, как уже было сказано, на узбекском языке успели сформировать разные аспекты, в том числе, религиозно-правовые стороны идеологии джихада. К сожалению, в рамках настоящего доклада не представляется возможным системно проанализировать все материалы по рассматриваемой идеологии. Можно сказать коротко, что в узбекоязычных журналах ИДУ под названием «Кабоилда нима гап», и СИД под названием «Содиклар», были опубликованы в общей сложности сотни статей, посвященные идеологии джихада. Вдобавок к этому, есть многочисленные видео и аудио материалы, которые тоже направлены на усиление теоретических и практических сторон реализации джихада. Со стороны идеологов ИДУ и СИД написаны или переведены десятки фундаментальных статей и книг. Не имея возможности их хотя бы перечислить здесь, для описания глубины проделанных работ и намерений, здесь уместно привести некоторые выдержки от одной, достаточно интересной книги. Книга называется «Фидойлик амалиётлари шариат тарозисида», что с узбекского языка переводится как «Мероприятия по самопожертвованию в измерениях шариата». Книга достаточно объемная – 85 страниц. Как сказано в названии, она посвящена религиозно-правовым аспектам реализации актов самопожертвования. Книга состоит из семи следующих разделов:

- Дозволенность нанесения вреда своей жизни / телу ради могущества и победы Религии;
- Консенсусное решение улемов о дозволенности нападения с трагическим исходом во время джихада;
- О дозволенности нападения одного человека многочисленным врагам, если даже он знал о том, что исход будет трагическим;
- Человек, решившийся на самоубийство во имя Аллаха, в интересах религии, не будет считаться человеком, совершившим запрещенный шариатом самоубийство;
- О достоинстве человека, знающего об опасности попасть в плен, но отказывающегося сдаться в плен, и с терпением до смерти продолжающегося борьбу;
- О достоинстве терпения к смерти и не произношения слова неверия даже в момент смерти;

- О целесообразности самоубийства с целью недопущения раскрытия секретов под жестокими пытками.

Как видно из названий разделов, книга обсуждает разные обстоятельства, которые могут легализовать практику самопожертвования во имя интересов религии. В этих разделах досконально анализируются разные события, имевшие место в истории ислама и других монотеистических религий, даются подробные комментарии с точки зрения шариата и фикха джихада. В книге есть несколько основных историй с глубокими логическими рассуждениями. Когда я изучал эту книгу, я смог проводить интересный эксперимент. Я знаком с некоторыми молодыми людьми, отличающимися своими пацифистскими взглядами, они глубоко религиозны, учились в авторитетных исламских школах арабского мира, последовательно осуждали моджахедов, в том числе и Бен Ладена, ИДУ.

В обсуждаемой книге приведены сложные логические аргументы, выводов которых я не был в состоянии оспорить, поскольку не имею особые религиозные знания для этого. Тогда я решил задать тем пацифистски настроенным религиозным студентам те же вопросы, приведенные в книге.

Я сначала узнал их мнение насчет тех, кто совершает актов «шахидства» (самопожертвования), они привели многочисленные доказательства, что «так называемые шахиды – скорее всего, грешники, потому что в исламе строго осуждается всякие формы самоубийства». Тогда я им задал вопрос из этой книги. В 80-ой странице книги приведен вопрос алжирцев к тогдашнему верховному муфтию Саудовской Аравии Мухаммеду Ибрагиму. Ответ муфтия в дальнейшем стал фетвой под номером 1479 в книге «Сборник фетв». Итак, алжирские моджахеды задали шейху Мухаммеду Ибрагиму следующий вопрос:

«В наше время наши враги очень сильны в вопросах введения войны. Если они поймут хотя бы одного моджахеда в качестве пленника, они, в целях получения информации о местонахождении спрятанных оружий, делают ему укол, в результате, человек теряет контроль над сознанием. Иногда, когда пленник является важным и проинформированным человеком моджахедов, он в результате этого укола раскрывает все секреты. Воздействие укола настолько сильно, что в результате человек потеряет полный контроль над собой. Какой бы вопрос ему не задавали, человек, не осознавая и не размышляя, начинает отвечать ясно и правильно. Раз есть такое обстоятельство, может ли человек убить самого себя перед лицом угрозы, что и по отношению к нему могут применять данный укол? Моджахеды говорят, что «если есть такие пытки и опасения, то я лучше хочу умереть смертью шахида».

Как только я задал данный вопрос, мой собеседник, который разговаривал со мной по скайпу, тут же восклицал: «это совсем другое, серьезное обстоятельство...», и долго задумался. Пять минут назад эмоционально осуждавший практику самопожертвований, молодой религиозный ученый спросил, «а что ответил тогдашний муфти Саудовской Аравии?». Я ему повторил вопрос: «если бы люди обращались с таким вопросом, и вы обязаны им ответить в рамках исламского право, что бы вы ответили им?». Насколько я помню, он сказал, что «если это человек не убьет себя, то все равно будет убит руками врага, заодно, он раскроет все секреты мусульман и их всех тоже убьют... да...».

Что касается позиции муфтия Мухаммада Ибрагима, то он алжирцам ответил следующим образом:

«Если обстоятельство полностью соответствует тому, как вы излагаете, тогда, казнить самого себя, дозволено. Аргументом является история «Мы уверовали юношу Господу» и история в фикхе по названию «Ситуация в сожженном корабле»³. Однако здесь есть некоторые точки, связанные с «самоубийством». Здесь есть огромная разница между проблематикой

³ Используя аналогию с «Ситуацией в сожженном корабле», хотят сказать, что оба варианта: сдать в плен или самоубийство – приведут к смерти. Поэтому, мотивация сохранения секретов, одобряет акт самопожертвования

самоубийства и другими проблематиками (раскрытием секретов моджахедов)». Сборник фетв и статей оли шейха⁴ Мухаммад ибн Ибрагима. 208-страница, фетва №1479.

На самом деле, обсуждаемая книга, как и многие другие статьи на данную тематику, изобилует историями с логическими рассуждениями. Стоит отметить, что пока речь идет только о попытках легализации актов самопожертвования. За этой фетвой, в книге последуют следующие выводы автора:

Из данной фетвы шейха Мухаммеда Ибрагима можно получить несколько важных выводов:

1. О допустимости убийства человеком самого себя собственными руками в целях сохранения секретов моджахедов, и это ни в коем случае не считается запрещенным шариатом самоубийством;
2. Казнить самого себя ради сохранения секретов моджахедов не считается насилием по отношению к самому себе, не считается вседозволенностью. Наоборот, это считается оказанием помощи Аллаху, его пророку, религию Аллаха и правоверным;
3. Упоминание шейхом Мухаммад Ибрагимом в качестве аргумента историю «Юноши» указывает на то, что все те, кто уверовали в религию юноши, все они сами себя убили⁵. И это событие, то есть рассказ «Юноши», становится полноценным шариатским аргументом в пользу всякого рода мероприятий по самопожертвованию (фидаинские мероприятия);
4. Согласно правилу «об спасении от больших ущербов с помощью маленьких ущербов», возможный вред от раскрытия секретов мусульман предотвращается через издержку самопожертвования одного из мусульман.

Выступая на эту тему, известный писатель Хасан Айюбий рахимахуллох сказал, что самоубийство, согласно шариату, считается запрещенным делом, и тот, кто осмелился на это, будет считаться грешником. Но продолжая, он говорит следующий:

«Однако в некоторых обстоятельствах воин или фидаи может попасть в руки врага. Тогда враг может применять к мусульманину разные роды пытки. Например, может обжечь огнем, отрезать конечности, повесить с ног на потолок, ударить током, или пытать другими способами, придуманные фашистами и коммунистами. В наше время подобные пытки применяются собаками в облике людей, ничего не знающих о человечности, милосердии. Если человек подвергается подобным пыткам, может ли он закончить жизнь самоубийством? Ознакомившись с шариатскими текстами и изучив позиции улемов, пришел к следующему выводу:

Если для самоубийства есть основания и оправдания в шариате, и от этого будет только польза для мусульман, или, если отказом от такого деяния будет нанесен вред для мусульман, тогда, убить самого себя - дозволено. Это вердикт касается того положения, когда человек под пытками может разглашать секреты о местонахождении и имен фидайев, о планах исламских воинов, о местонахождении оружия, а также всей той информации, знаний, обладание которых врагом может навредить безопасности, чести и достоинству исламских воинов или простых мусульман. Или когда враг может сделать укол, через которого человек теряет сознания и станет подконтрольным и раскроет всю информацию врагу, тогда тоже дозволено убить самого себя...». Хасан Айюбий, «Джихад и фидайя в исламе», 166-стр.

Если только ради сохранения секретов разрешено / дозволено убить самого себя, то фидайские нападения, оказывающие врагу морально-материальный вред, считаются намного полезными и безусловно соответствующими шариату.⁶

Приведенная здесь выдержка, хотя не полная, но, тем не менее, дает некоторые представления о широте и глубине идеологии джихада, в том числе, усилий по легализации разного рода способов борьбы в рамках исламского шариата.

⁴ Оли шейх – особый статус религиозных авторитетов в арабо-мусульманском мире, примерно означает «высокопочтенный шейх (авторитет) ислама»

⁵ Речь идет о рассказе «Юноши», основывающегося на кораническую суру «Башни» (85-сура Корана)

⁶ Книга «Фидойлик амалиётлари шариат тарозисида», страницы 82 и 83

Следует отметить, что текст на узбекском языке написан в безупречном виде: без грамматических и стилистических ошибок. Необходимо сказать, что на узбекском языке, в силу некоторых причин правил языка, намного сложнее составлять сложноподчиненные предложения. Однако, текст на узбекском языке написан достаточно удачно, всякий читатель его с легкостью может читать и понять. Из этого следует, что над текстом серьезно поработали.

Основной задачей текста – беспристрастное и максимально прочное обоснование мероприятий по самопожертвованию. Автором предпринимается попытка сломать все религиозные механизмы сдерживания на пути самопожертвования. Вместе с тем, приведенные здесь примеры и обстоятельства заставляют задумываться даже самых серьезных религиозных ученых.

И н с т и т у т « Б а й ъ а т а »

Слово «Байъат» (بيعة) с арабского языка в общем значении можно переводить как «клятва», «присяга», но в контексте введения джихада стоит переводить как «клятва на верность и строгое подчинение». В военно-политической концепции ислама «байъат» имеет настолько важное значение, что его можно охарактеризовать, как институт, который располагает собственной сформировавшейся доктринальной базой в шариате и фикхе, имеет четкое религиозно-правовое правило и механизмы функционирования.

Примечательно, что в анализе феномена джихадистских организаций исследователями очень мало внимания уделяется институту «байъат», что является серьезным упущением. Ведь, именно «байъат» может раскрывать и показать пирамидальную иерархию, систему взаимодействия и кооперации джихадистских и исламистских организаций.

Согласно фикху джихада и шариату, все мусульмане, которые собираются войти в бой, должны дать присягу верности своим политическим и/или военным руководителям. Вместе с тем, здесь должно четко сохраняться принцип единоначальства. В качестве основных функций «байъата» можно перечислять следующие. Во-первых, байъат призван обеспечить единое и централизованное управление и контроль над действиями. Согласно шариату, в каждой структурной организации не может быть два руководителя, и на самом высшем уровне также не может два руководителя. Если вдруг возникнет путаница и появятся два или более претендентов на руководящую роль, то вступает в силу процедура по выявлению более поздних претендентов. Присяга считается верной только по отношению к первому по очередности, а последующие, в отношении кого принесли присягу, считаются нелегитимными, а иногда даже подлежат ликвидации. Такая строгость по принципу единоначальства, наверное, была обусловлена страхом распада единства исламского сообщества и укреплено некоторыми историческими опытами борьбы за власть и полномочия.

В условиях глобализации, многочисленные джихадистские организации и индивиды ищут формулу выстраивания единой иерархии. В поиске соблюдения религиозных предписаний в рамках «байъат», размышляют и стремятся к глобальной координации своих усилий через единого руководителя / предводителя (эмир).

Именно институт «байъат» до сих пор в значительной степени определяет поведение Исламского Движения Узбекистан и отделения «Маварауннахр» Союза Исламского Джихада. А в перспективе, взаимные обязанности и ответственности ИДУ и СИД в рамках «байъата», в Афганистане и Центральной Азии, может привести к серьезным и далеко идущим последствиям.

Многие исследователи думали и думают, что при жизни, Усама бен Ладен был руководителем джихадистских организаций и курировал процессы в Афганистане и Пакистане. Однако, согласно шариату, бен Ладен был гостем на территории Исламского Эмирата Афганистан, то есть, был гостем эмира Талибан Муллы Омара. Мулла Омар был признанным эмиром Талибан, все члены Талибан именно ему дали присягу на верности и строгое подчинение. Прибыв в Афганистан, каким бы влиятельным не был бен Ладен, в рамках правил,

он тоже дал присягу верности и подчинения эмиру того региона, куда он прибыл – то есть, эмиру Афганистана.

В разных видеофильмах студии «Жундуллах» при ИДУ, бывший эмир Исламского Движения Узбекистана Тахир Йулдашев несколько раз напоминает, что он тоже лично дал клятву на верность Муллу Омару. Он также напоминает, что заместитель руководителя Аль-Каиды Айман Аз-завахири и сам бен Ладен тоже дали клятву на верность и подчинение эмиру Исламского Эмирата Афганистана Муллу Омару. Тем самым, некоторые представления о полной самостоятельности и даже превосходстве Аль-Каиды над талибами не соответствует действительности. Центральной организацией среди джихадистских организаций и личностей в Афганистане и Пакистане был и остается Талибан во главе Муллы Омара, а остальные организации, как Аль-Каида, ИДУ, СИД находятся в подчиненном положении к ней. Естественно, степень независимости и координации этих организаций с талибами была и остается разной. Представляется, что Аль-Каида во главе бен Ладена и Аз-завахири вели себя значительно независимо от Муллы Омара. Недавние заявления Талибана сначала о непризнании, а чуть позже жесткие заявления о смерти бен Ладена указывают на существующий значительный вакуум в координации деятельности между Аль-Каидой и Талибаном.

А степень координации деятельности ИДУ и СИД с талибами, всегда были на более высоком уровне. Видеофильмы, информационные сообщения обеих организаций подтверждают, что они обе на серьезном уровне сотрудничают с талибами, нежели между собой. Цикл видеофильмов «Кабоилда нима гап» («Что за новости в племенах»), и отдельные фильмы, посвященные событиям в Афганистане и Пакистане, демонстрируют, что большинство крупных мероприятий и операций, ИДУ и СИД проводят совместно с талибами.

Тем самым, институт «байъат» четко регламентирует сферы ответственности, границы подчинения и координации, а также, области поведения, остающиеся в суверенном распоряжении узбекоязычных организаций в Афганистане и Пакистане.

Процедурно, совершение «байъат» во многом зависит от количества членов организации. Например, в ИДУ это значительно проще, поскольку количественно он существенно компактен, чем нежели, например Талибан. ИДУ много раз демонстрировало в своих информационных продуктах процедуру и смысловых содержаний «байъата» между эмиром и членами движения.

Руководство и полевые командиры ИДУ во время обновления присяги к бывшему эмиру движения Тахиру Йулдашеву. Приблизительно, первая половина 2009 года. После его смерти в 2009 году, все члены ИДУ совершили байъат по отношению к новому эмиру,

Люди в кадре говорят следующие слова: «Я буду выполнять все, что вы прикажете в пределах праведности, на пути Аллаха. Я клянусь вести джихад до тех пор, пока не достигну шахидства на пути Аллаха. Я вам дам клятву, что, в тот же день, когда вы разрешите мне – я буду совершать мероприятие по самопожертвованию! Как только разрешите мне – я буду совершать акт самопожертвования! Я дам клятву, что как только дадите разрешения, в тот же миг я буду совершать мероприятие по самопожертвованию!». Как видно, дающие клятву люди часто повторяют свои мысли разными словами. Но, не все члены ИДУ дают клятву с обещанием совершить акт самопожертвования. Большинство членов ограничиваются тем, что они будут строго прислушиваться к приказам эмира.

Бай'ат совершается только между мужчинами, хотя возраст мужчин, обязанных принести присягу верности и подчинения, строго не ограничен. В ИДУ существует практика, что даже маленькие дети-сыновья членов движения тоже приносят присягу перед эмиром. Данная практика направлена на то, чтобы в рядах ИДУ все люди мужского рода находились под присягой перед руководителем организации. Процедура совершения бай'ата достаточно проста: сколько многочисленны не были количество членов движения или организации, поочередно по четыре-пять человека подходят к эмиру, все члены ставят свои правые руки под рукой эмира, и один из этих членов произносит слова верности и подчинения. Согласно шариату, количество людей, одновременно приносящие присягу, не должно превышать четыре – пять человек.

Слова, произносимые в бай'ате зависят от намерений и возможностей членов движения. Большинство членов ИДУ дают присягу примерно в таком содержании: «Во имя Аллаха, в свидетельстве Аллаха и этими нашими братьями-моджахедами, я клянусь – я буду строго подчиняться вашим указаниям. Буду строго подчиняться до тех пор, пока у меня есть сила, до тех пор, пока я жив». Вместе с тем, есть члены движения среднего возраста, которые дают клятву на осуществление нападения на врага с летальным исходом. В информационных носителях, специально распространенных со стороны ИДУ в первой половине 2009 года было продемонстрировано, что не один, а несколько членов движения дали клятву эмиру – Тахиру Юлдашеву в следующем содержании: «Я клянусь перед всевышним Аллахом, что как только вы разрешите мне осуществить мероприятия шахидства (акт самопожертвования – прим. автора) – я это буду делать. Как только вы мне разрешите – я осуществлю акт фидаййа...».

При совершении бай'ата, члены и руководство как ИДУ, так и СИД прекрасно понимают, что они находятся на войне, и в любой момент их может постигнуть смерть. Поэтому, процедура совершения бай'ата проходит в особо эмоциональных тонах. Как рядовые члены, так и руководство джихадистских организаций во время бай'ата плачут. Бывший руководитель ИДУ, Тахир Юлдашев был экстраординарным оратором, также он отличался своей впечатлительностью. В 2009 году он как то упомянул, что под его руководством ИДУ дало более пятсот жертв. Во время одной из процедур совершения бай'ата, несколько членов

движения дали присягу на шахидство. Они обоими руками крепко держали руку Тахира Юлдашева, и многократно повторяли свои обещания и присягу, тогда как Тахир плакал почти без остановки.

Хотя, согласно правовым нормам ислама принести один раз присягу верности и подчинения считается вполне достаточным, однако, во многих джихадистских организаций существует практика «обновления байъата». Обычно, процесс обновления – это повторение тех же процедур, которые совершены, например год назад.

Значимость совершения и соблюдения «байъата» имеет свои глубокие религиозно-правовые базы. Например, при осуществлении байъата, улемы ИДУ напоминают своим членам, что, если моджахед не успел принести присягу верности и подчинения и погибает на поле боя в сражении с врагами, то его статус мученика (шахида – прим. автора) останется под большим вопросом. Эти позиции подкрепляются текстами из первоисточников религии.

Ниже приведены выдержки из выступления бывшего эмира ИДУ Тахира Йулдашева от 2009 года перед членами движения:

...Вы нам дали присягу о верности. В свою очередь, мы тоже дадим вам обещания, что не будем приказывать вам то, что за пределами Книги и Сунны. Иншаалла, мы будем вам повелевать только в рамках шариата, и будем требовать, чтобы вы нам подчинились только в рамках одобряемого...

...Как сказал Аллах в хадисе кудсий⁷, «есть три группы лиц, с которыми, в судный день я лично буду враждовать. Первый из них – это те люди, которые от моего имени дали клятву, и не сдержали свои слова». Мы объединены вокруг религии. Слава Аллаху, в моих руках пятьсот человек стали шахидами. Я – эмир шахидов! Я – эмир преданных, а не лжецов, я не эмир предателей! Да упаси Аллах от этого...

...Раньше мы избегали присяги, а в последние время мы сами стали часто спрашивать: «дорогой брат, почему ты еще не привел присягу?». Потому что выяснилось, что если человек умирает на поле боя вне присяги – есть очень веские доказательства в первоисточниках, что от этого строго предупреждают: кто-то умирает без присяги – он умирает смертью невежества! Также на этот счет есть много весомых слов! Есть 500 шахидов, которые через другие или напрямую мне дали присягу верности: в Чечне, Дагестане, Узбекистане, Кыргызстане, Таджикистане, Афганистане и Пакистане. Слава Аллаху, они были представителями из всех народностей и национальностей. Эта присяга – договор с Аллахом! Поэтому, пусть мы станем одной из следующих двух: тех, кто стал шахидом; или тех, кто строго придерживается их пути. Пусть не будем из третьей группы: тех, кто предадут свои обещания и клятву, и уходят.

Как только в ряды джихадистских организаций вступают новые члены – а это происходит несколько раз в месяц, их первым делом приводят к эмиру организации, чтобы новые члены тут же могли принести присягу верности. Если эмир, по разным причинам не доступен для новых членов, то они, временно, до встречи с эмиром, приносят присягу либо полевым командирам, либо другим руководителям структур. Тем самым, при необходимости, может быть задействована система как «пирамидальных», так и прямых принесений в присягу.

Институт «байъат», в опыте ИДУ и СИД, имеет не только вертикальный или прямой характер. После принесения присяги рядовых членов перед эмиром организации, совершается коллективный намаз (молитва) во главе эмира. Потом, руководитель движения или организации может уточнить религиозно-правовые условия действительности байъата. Бывший руководитель ИДУ Тахир Йулдашев часто повторял следующие принципы и обязательства со своей стороны перед членами движения, которые дали присягу верности и подчинения.

Во-первых, как эмир / руководитель организации, он будет руководить над всеми членами исключительно в рамках шариата, если он допустить какие-либо отклонения от правил ислама – заслуживает наказание, предусмотренное в рамках религии.

⁷ Хадисы Кудсий – согласно исламской доктрине, слова Аллаха, которые переданы через Пророка (с.а.в.), но не отражены в Коране.

Во-вторых, военно-политический курс (наиболее значимые вопросы ведения военных действий, прекращение военных действий, вопросы перемирия) организации будет определяться совместно с союзниками (талибы) и советом ученых движения (шуэра).

Вместе с тем, есть определенные принципы, которые считаются центральными в мышлении и поведении многих джихадистских организаций. Одним из таких принципов – это отказ от всяких форм сотрудничества и / или переговоров с «неверием», то есть, с врагами. Иначе говоря, сотрудничество или переговоры могут быть реализованы в крайних случаях, и то, как тактика в деле достижения поставленных целей, и ни в коем случае не может быть рассмотрены, как стратегия. Бывший руководитель ИДУ Тахир Йулдашев часто хвастался, что ему несколько раз подали руку такие влиятельные и могущественные силы «неверия», как Россия или США, а он никогда последовательно с ними сотрудничал. Он настаивал, «Клянусь Всевышним, мы не будем вести переговоры с неверием, мы не будем здороваться с неверием. Если надо, мы отрубим свои руки, но не будем здороваться с неверием...». Это была позиция, широко распространенная среди всех схожих организаций.

Термин «неверие» (на узбекском языке «куфр», слово заимствованное из арабского языка) – это понятие, которое имеет широкое содержание. Этим термином обозначают не только и не столько Запад или представителей иных религий, без религиозных лиц или цивилизаций, этим же термином обозначают также этно-мусульман или мусульман с высоким уровнем религиозности, которые либо в разной степени одобряют или не сопротивляются политике Запада в Афганистане, Палестине и т.д.

Для Исламского Движения Узбекистана главным субъектом и олицетворением «неверия» в первую очередь является правительство Узбекистана во главе с президентом И. Каримовым, и только потом силы коалиции в Афганистане, правительства Афганистана, Пакистана и другие.

Специалисты ни всегда обращают внимания на ситуативные, изменчивые причины легитимности и потребности. Представим себе мирное население Афганистана, желающее мира, безопасности и благополучия. Несмотря на то, что у них либо смещенное, либо негативные чувства к талибам, одним из главных форм идентификаций у них остается ислам, они считают себя мусульманами. При определенных условиях, например, при агитации и пропаганде (под принуждением или без), приоритеты населения начинают меняться в сторону большего понимания талибов, большего восприятия идей и идеологий сопротивления против коалиционных сил.

Г е о п о л и т и ч е с к о е и з м е р е н и е д ж и х а д и з м а

Джихадизм, как ситуативный продукт самого молодого и динамично развивающегося религии мира, всегда имел геополитическое измерение. Стоит подчеркнуть, сам джихадизм имеет пристрастное и ревностное геополитическое мышление. Даже больше, джихадизм характеризуется как не стандартизированное и конфликтное крыло одной из величайших геоиологий современности – ислама.

В истории 20 века было наблюдено много случаев, когда джихадизм был использован в конфликте между государствами, супердержавами и цивилизациями. Во второй половине прошлого века, когда главной угрозой для всего человечества считался ядерное столкновение двух противоборствующих лагерей с абсолютно непредсказуемыми и невообразимыми последствиями, джихадизм был использован друг против друга, как вполне удачный фактор сдерживания. Одним из таких полей апробирования и наращивания идей, организаций джихадизма стал Афганистан. События в Афганистане обнаружили, усилили и ускорили те тенденции, которые привели к историческому изменению геополитического ландшафта всей планеты в конце 20 века.

Джихадизм в целом, и узбекоговорящие джихадистские организации, в частности имеют многоуровневое и разностороннее геополитическое измерение. Джихадизм является как активно используемым объектом, так и значимым субъектом геополитики.

Исламское Движение Узбекистан, как и отделение «Маварауннахр» Союза Исламского Джихада, перед собой ставят задачи изменить ситуацию в Узбекистане. Причем, по их желанию, ситуация подлежит такому изменению, что никто не может распознать Узбекистан в прежних или приблизительных обликах. Если учитывать, что Узбекистан – это государство с почти тридцатимиллионным населением (к началу 2014 году населения республики, скорее всего, дойдет до этой отметки), приграничной со всеми государствами центрально-азиатского региона и Афганистаном, то это – заявка на изменения статус-кво в регионе.

Намерения ИДУ и СИД не были бы значимыми, если бы не одно обстоятельство. Как было сказано выше, обе эти организации находятся под присягой и защитой талибов. Руководители обеих организаций привели присягу верности эмиру Талибан Муллу Омару. А Талибан, в свою очередь, дал религиозную клятву перед Всевышним и многочисленными свидетелями, что эти организации будут находиться под его опекой и защитой, и в случае прихода к власти, талибы обязываются оказать им всяческой (моральная, материальная и военная) поддержки, чтобы те достигли своих целей.

Сейчас, когда западные коалиционные силы во главе США уже наметили свой уход из Афганистана в ближайшие годы, в рядах ИДУ и СИД наметилось приподнятое настроение и закономерное ожидание, что это может привести к переломным изменениям в балансе сил между конфликтующих сторон.

ИДУ с примерно 700-800 членами, и СИД с примерно 450-500 членами (из этого примерно только 130-160 человек составляет военный отряд отделения «Маварауннахр», который говорит на узбекском языке). Этих отдельно взятых людских ресурсов для Узбекистана достаточно для того, чтобы быть «фактором беспокойства», но не достаточно, чтобы стать «фактором вызова, способным изменить ситуацию в иное русло». Однако, обе эти организации находятся в подчиненном и координированном положении с более могущественной организацией – с талибами. Оценки реальных человеческих ресурсов талибов сильно зашкаливается. Согласно некоторым западным и российским экспертам, около 80 тысяч человек могут быть активными участниками движения талибан. Однако, другие источники, которые были в тех территориях конфликта и находились в рядах джихадистов, и теперь вынужденно отошли от этих процессов, говорят, что реальное количество талибов намного превышает указанных выше цифр. Например, один из таких источников настаивает, что количество талибов и их человеческих ресурсов реально достигает около миллиона человек. Видимо, подобные источники имеют в виду не только реальных участников движения Талибан, но и потенциально сочувствующих лиц среди афганского и пакистанского населения.

Во многих влиятельных СМИ запада, политические мыслители США и Европы уже смирились с тем обстоятельством, что Талибан является более устойчивым и долгосрочным фактором, чем они могли ранее предполагать. Они не скрывают, что операция в Афганистане для США закончится тем же, что и во Вьетнаме: «переговорами с повстанцами». Такой исход будет иметь самые долгосрочные последствия, как для самого Афганистана, так и для его соседей, особенно, северных соседей, в том числе для Узбекистана. Среди иностранных участников, воюющих в Афганистане и Пакистане на стороне талибов, самым значимым остаются выходцы из Узбекистана. Выходцы из Узбекистана и этнические узбеки самого Афганистана и других сопредельных Узбекистану государств составляли и составляют ощутимую силу. Согласно некоторым исследователям, узбеки по численности и по политической весомости превышают чеченцев, уйгур, татаров, арабов и иных этнических групп, воюющих на стороне талибов.

Тем самым, если дело дойдет до того, что талибы приобретут статус-кво и могут легально влиять на ситуацию в Афганистане, то это с точки зрения Узбекистана означает только одно – в Афганистане Исламское Движение Узбекистан, и Союз Исламского Джихада приобретут либо легальное, либо полуполюгальное положение. Другим вариантом может

выступить уклонение от ранних обещаний со стороны талибов перед теми организациями, которые принесли присягу верности и подчинения Муллу Омару взамен на покровительство, поддержку, а также, помощь в реализации поставленных долгосрочных задач. Однако, если учитывать, что ранее талибы не поменяли целое статус-кво и свою государственность на одного человека - не отказались от покровительства бен Ладена то, приобретя новое положение после многолетних боев и заставив Запад смириться с ними, можно предположить, что они также не откажутся от покровительства ИДУ и СИД.

Имеющиеся многочисленные информационные носители демонстрируют, что Исламское Движение Узбекистан и отделение «Маварауннахр» Союза Исламского Джихада находятся в достаточно доверительных отношениях с движением Талибан. Они совместно проводят военные учения и операция. В их взаимоотношениях четко соблюдается принцип «сотрудничество, но ни слияние». На фото изображены совместные военные операции Талибан с ИДУ.

Перемирие с талибами в Афганистане, скорее всего, не приведет к автоматической активизации ИДУ и СИД по северному вектору. Думается, что талибы могут попросить своих узбекских коллег взять паузу, необходимую для укрепления их совместных позиций внутри самого Афганистана. Но легализация талибов, в конечном итоге, приведет к самым серьезным последствиям. Эти последствия, в зависимости от дальнейших обстоятельств, могут быть выражены в следующих моментах.

Афганистан может повышать свой магнетизм для единомышленников талибов, воссоздастся достаточно открытое и сравнительно безопасное пространство для потенциальных и реальных сторонников ИДУ и СИД из стран центрально-азиатского региона. Хотя процесс присоединения к ним новых членов из севера, несмотря на войну, никогда не прекращался, в условиях легального положения талибов и их компаньонов из севера и востока, объем контингента из-за другого берега Амударьи, в том числе избегающий от репрессивной политики по отношению религиозных лиц, будет значительно выше.

А в долгосрочной перспективе, Афганистан снова станет эпицентром и экспортером джихадистских лиц и движений, которые направляют свою энергию в свои целевые страны. В случаи с ИДУ и СИД – это сначала Узбекистан, далее регион Центральной Азии.

Эти возможные направления развития событий могут быть полностью устранены только тогда, когда по каким-либо причинам из сцены Афганистана будет ликвидированы талибы, а вместе с ними, их узбекоязычные коллеги. Однако, несмотря на изнурительное положение талибов, они осознают, что приближаются к той точки развития событий, вытерпев которой, они могут объявить о своей полной победе. На стороне талибов многие факторы: время, местность, возможность принудительного использования местного населения, иностранные единомышленники, ситуативное недовольство от действий сил коалиции, изменчивое общественное мнение запада, и наконец, наметившийся быстрый уход сил коалиций. Недавние заявления руководство США о быстром уходе из Афганистана, вооруженной оппозицией в этой стране было расценено, как дезертирство Запада от войны.

Естественно, для некоторых кругов, Афганистан такой же капкан для Запада, особенно для «дальнего запада», как это было в свое время для покойного СССР. В конце 70-х годов прошлого века, СССР тоже отправился на поход в Афганистан ради геополитики и безопасности. Там же он был изношен и тяжело ранен. Вернувшись домой в начале 90х годов, вскоре, неожиданно для всех, скончался. Теперь же, сюда приехали союзники западных стран, а институт джихада, как и прошлый раз, выступает как железный капкан, устроенный в засаде.

Современные геополитические процессы, и даже определенное соперничество значительно сконцентрированы между «дальним западом» и «дальним востоком». Как бы географически не были близки США и Китай, между ними есть толстая линия Гринвича. Примечательно, что их плотное экономическое сотрудничество сопровождается глубоким мышлением геополитического соперничества. Неожиданно объявив о своем экстренном возвращении домой из Афганистана, США хочет сэкономить остающиеся ресурсы, и собирается заниматься внутренним хозяйством. Однако, начатая США война в Афганистане не закончена. Талибы ранены, но не побеждены. Они до сих пор в горах. А среди них есть и уйгуры. От экстренного ухода США, больше всех должен был обрадоваться Китай. Однако... Если выразаться аллегорически, то можно представить себе, как США в горах Афганистана заявляет о своем уходе, при том ехидно бормочет следующие слова: *«...зачем мне тратить свои деньги и жизнь своих сыновей... я и так погряз в долгах... Отныне буду защищать свой дом сильнее, и все... пусть талибы будут проблемой китайцев, русских и их союза... Еще посмотрим, как они справятся с талибами... Унесу я отсюда побыстрее ноги, пока не повторил судьбу покойного СССР...»*.

Джихадизм как глобальное движение имеет дихотомическое геополитическое мышление, мечтает о глобальных изменениях и действует по этому направлению. Согласно джихадизму – ислам – это одна из двух глобальных геоидеологий современного мира, и ему противостоит идеология Запада. Либерализм, демократия джихадистами трактуется как «полноценная, альтернативная религия». Когда джихадисты толкуют либерализм как «религия», их творческий подход и абсолютизация восприятия поражает воображение.

Однако «арабская весна» показала, что центр мусульманского мира думает и движется по другому, чем исламисты и особенно джихадисты, направлению. Стоит подчеркнуть, что до сих пор ни одна из джихадистских организаций не смогла сформулировать свою позицию по событиям «арабской весны». Сложность формулировки позиции джихадистов заключается в мировоззренческих моментах: мусульманское население массово свергло диктаторские и авторитарные режимы, их методы, по крайней мере, намерения и начало, были мирными, как на западе. Массы заявляли, что их революция не исламская, а народная. Народ настаивал, что политическая система должна быть такой, чтобы общество могло постоянно контролировать властей, а это означает – демократия – что является неприемлемым для джихадистов. Для джихадистов все процессы, идеи и мотивации должны быть прямолинейными, однозначными и идеалистическими. Другого они не способны понять или принять. Поэтому, джихадисты оказались в сложном положении: свергаются их враги – нерелигиозные режимы и прозападные автократы, но народ ведет себя не так, как они могли мечтать – народ заявляет о свободе и демократии. Вместе с тем, джихадисты не могут критиковать народ, поскольку – народ абсолютное большинство, к тому же, достигнутая народом цель тоже благородная – избавление от тиранов, насилия. Наверно, поэтому до сих пор ни Аль-Каида, ни Талибан, ни ИДУ или СИД не смогли обнародовать свои ясные, внятные позиции по массовым, народным волнениям в арабских странах.

Проблема вокруг феномена джихадистских индивидов и организаций не в том, что они возникают, их возникновение в определенных ситуациях с точки зрения религии – закономерность. Проблема здесь в том, что мусульманский мир находится в некоем аморфном состоянии, вследствие чего не в состоянии эффективно решать свои внутренние и конфликтные проблемы политическими и дипломатическими методами. Как видные мусульманские страны, так и некоторые организации, как Организация Исламской Конференции, не имеют достаточного желания, легитимности и ресурсов, чтобы решать многие глобальные проблемы

вокруг некоторых точек мусульманского мира. ОИК была сконструирована, как «доброжелательные братские двери» между высокими заборами - государственных границ мусульманских стран в эпоху расцвета национальных государств. Двери, которые время от времени могли бы открываться, чтобы их руководители могли по-братски поздороваться между собой, но не более.

Ныне мусульманский мир, да и вся глобальная система безопасности и стабильности нуждается в таком исламском глобальном институте, имеющем разноплановые ресурсы для решения самых сложных задач, как например, ситуация в Афганистане. Исследователям и политикам хорошо известны глубина и масштаб взаимного недоверия и подозрительности между мусульманскими странами с одной стороны, и иными глобальными акторами – с другой. Рано или поздно мир осознает, что в современных глобальных условиях с полутора миллиардным мусульманским сегментом планеты, необходим авторитетный и ответственный институт, который существенно способствовал бы стабильности и развитию мусульманских странах, смог бы найти баланс между защитой интересов исламского мира и глобальной безопасностью и развитием. Здесь речь не идет об идеализме, а всего лишь о том большом институциональном вакууме, которого реально можно и нужно заполнять.

Ислам не является воинственной религией. Те, кто так описывают ислам, и их сознание находятся в конфликтных пространствах, где мусульмане сталкиваются с другими. Ислам высоко ценит мир, порядок и безопасность, осуждает конфликтность и насилия. Ислам ищет мир и порядок, прежде всего, для того, чтобы его последователи смогли спокойно подготовиться к следующей и ответственной жизни.

С другой стороны также была бы ошибкой изображать ислам исключительно мирной религией. Ислам, например, совсем не похож на буддизм, и не исповедует философию смирения и мира. Ислам, ради защиты, сохранения и укрепления своих фундаментальных ценностей, являющихся условием безопасности и спасения человека в следующей жизни - «ахира», предусматривает институты защиты и сопротивления.

Пока джихадисты являются социально-политическими и религиозными маргиналами, но у них в руках достаточно сформировавшаяся, крепкая идеология. Джихадисты в Афганистане, Пакистане и в иных странах малочисленны, не имеют авторитета, чтобы значительно расширить свои ряды. Однако, глобализация имеет не только экономический аспект, она также имеет политическую, геополитическую направленность, глубоко отражается в формах и балансах идентичности человека, общества и всего человечества.

Современная история знает некоторые примеры, когда отдельные религиозные авторитеты или политические деятели призывали к джихаду. Перед падением, Саддам Хусейн призвал своих соотечественников и мусульман всего мира к джихаду, но он не имел ни религиозного авторитета, ни политической легитимности. Поэтому, его призыв даже не был замечен⁸.

Другая история связана с российским религиозным деятелем. На фоне информационной кампании России, Франции и Германии о недопустимости интервенции США в Ирак, в одной из коллективных молитв, верховный муфтий Талгат Таджутдин с мечом в руках объявил джихад против США. Это было в начале апреля 2003 года. Т. Таджутдин призвал мусульман России идти в помощь мусульманам Ирака. Однако, каким бы В. Путин не был недовольным от тогдашнего поведения США, он сам испугался, ведь реализация призыва Т. Таджутдина мог бы иметь суровые последствия для самой России.

⁸ В марте 2003 года обращение Саддама Хусейна к жителям Ирака передавалось по национальным телеканалам. В частности, С. Хусейн сказал следующие слова: «Да здравствует джихад и Ирак, смерть агрессорам! Мне даже не нужно говорить, что именно надо делать для защиты нашей страны. Вы все это прекрасно знаете. Но вы должны знать, что каждого, кто противостоит этой агрессии, ожидает рай...». Примечательно, что это были слова националиста и баасиста. Вместе с тем, его попытка мобилизовать населения Ирака в рамках института джихада является характерной для мусульманских обществ. Дальнейшие развития событий в Ираке показали, что силы США здесь столкнулись с группами, которые мотивировали и оформили свое сопротивление именно в рамках джихада. Это стал центральным фактором ускорения ухода США из Ирака.

Политики, государственные и общественные деятели всегда имеют более широкое, историческое воображения, хотя они очень часто глубоко скрывают это.

Здесь уместно привести мысль одного молодого человека из Узбекистана, который ныне проживает за пределами страны. Он, как всегда, был особо пристрастен к геополитике мусульманского мира. По его мнению, в особо критических обстоятельствах, авторитетные лидеры мусульманского мира могут обращаться в некоторые законсервированные институты ислама с тем, чтобы изменить складывающиеся не в их пользу ситуацию. Итак, его мысль состоит в следующем:

«По истечению нескольких десятилетий и обстоятельств, конфликт и недопонимания между западом и мусульманским миром не разрешаются, а наоборот, только нарастают. Проблема Ближнего востока не разрешена, государство Палестины до сих пор нет, а Израиль все расширяется и расширяется. В мусульманском мире углубляется недоверие по отношению к США. Попытки некоторых президентов США по стабилизации и умиротворению взаимоотношений США с исламским миром провалились. В результате нескольких внутренних и внешних факторов, Саудовская Аравия перестала быть союзником США. А наоборот, осознавая свою роль в мусульманском мире, выбрала путь свободного полета, и взяла курс, направленный на выстраивание собственной системы геополитики с эпицентром в самом королевстве. Турция тоже значительно изменилась, она больше и увереннее, чем Саудовская Аравия, отошла от Запада.

После очередных выборов, к власти США приходит неоконсерватор с глубоким интервенционистским мышлением. Вашингтон не скрывает свою озабоченность в связи с становлением нового геополитического полюса исламского мира. После некоторых событий, на повестку дня США ставится вопрос о военной операции против «террористов» в Саудовской Аравии, однако, власти Королевства воспринимают эту операцию, как угрозу для стабильности и единства страны, как вызов для политико-религиозного режима государства. Американские военные корабли уже сосредоточены в аравийском море. Политическое руководство Саудовской Аравии срочно созывает встречу лидеров политически близких мусульманских стран, в числе которых, помимо многочисленных стран Ближнего Востока и Северной Африки, есть Турция, Пакистан, Индонезия, Малайзия. После закрытых многочасовых консультаций лидеров этих стран в Мекке, и их коллективной молитвы, начинаются обращения короля Саудовской Аравии, президента Турции и лидеров нескольких других стран мусульманского мира к всемирной исламской умме. Все эти события транслируются во всех мировых телеканалах и по интернету. Весь мир ждет решения лидеров мусульманского мира. Многие полагали, что возможно, Саудовская Аравия попытается создать некий союз для противостояния США.

Но, неожиданно, несколько лидеров мусульманского мира объявляют джихад – священную войну против США и их союзников. После эмоциональных выступлений короля Саудовской Аравии и руководителей иных мусульманских стран, которые продлились больше трех часов, тут же многочисленные видные имамы исламского мира призывают к немедленной боевой готовности. Были изданы сотни, а то тысяча фетв о грешности избегания этого джихада. Примечательно, что в своей длинной речи, король Саудовской Аравии упомянул все обиды мусульманского мира на Запад, накопившиеся за последние три века.

Некоторые всерьез пугали, что на крупные города королевства могут быть брошены атомные бомбы. Услышав о призывах на джихад всего мусульманского мира, США до смерти испугались и тут же изменили свое решение. Европа однозначно дистанцировалась от США, более того, она стала осуждать Вашингтон. Китай, Россия не меньше остальных испугались, не знали, что сказать и как поступить.

Однако, уже было слишком поздно. Как только был объявлен джихад, мир погрузился в хаос...Хаос, который не имел аналогов даже в самых фантастических фильмах...».

Эти мысли мне по скайпу были рассказаны в современном контексте. Однако, для передачи временной и условной реалистичности, рассказ пришлось немного модифицировать. Вместе с тем, суть воображения остается такой, какой она была. Слава Богу, что в современных

условиях мир далек от таких кошмарных обстоятельств. Но не стоит забывать - было бы наивно полагать, что человеческая история полностью будет застрахована от фатальных ошибок, которые могут привести к близким с вышеотмеченными обстоятельствами сценариям.

Ислам смог пережить несколько технологических и интеллектуальных революций, многовековую трансформацию сознания человечества вокруг религии. Он смог выжить, целиком и полностью добрался до двадцать первого века, к новым этапам глобализации. Представляется, что отныне, одна из задач глобальной безопасности будет заключаться в том, чтобы не возникла такая опасная ситуация, когда со стороны харизматичных лидеров и религиозных авторитетов мусульманского мира будут задействованы некоторые, законсервированные, вместе с тем, дееспособные институты ислама.

З а к л ю ч е н и е

Джихадизм, как феномен и как идеология, имеет социальные, политические и религиозные условия, через которых, он может усиливаться или снижаться. Попытка ликвидировать джихадистские организации исключительно силовыми методами, в современных условиях, не может обеспечить желаемых результатов.

Появившееся на заре независимости, Исламское Движение Узбекистан, пережило долгую эволюцию, начав свою деятельность как исламизм, оно вынужденно и закономерно поднялось до уровня джихадизма. ИДУ также стало фактором, способствовавшим появлению узбекоязычного отделения внутри Союза Исламского Джихада - отделение «Маварауннахр». Появлению, эволюции и усилению рассматриваемых джихадистских движений сильно повлияла внутренняя ситуация в Узбекистане. Стоит отметить, что если даже исключить существующую репрессивную политику по отношению к религиозным лицам внутри Узбекистана, скорее всего, джихадисты все равно существовали бы, но их количество могло бы быть значительно меньше.

Чтобы снизить привлекательность джихадистских организаций, и создать условия для стабильности и последовательного развития в Узбекистане, государственная политика в сфере религии и гражданского общества должна быть пересмотрена. Как бы исламисты и джихадисты не критиковали демократию, и как бы либералы не боялись усиления политических позиций исламистов в результате свободных демократических процедур, постепенные и истинно демократические реформы являются стабилизирующим фактором и создают условия для мирной канализации проблем населения, в том числе, религиозной части населения. На самом деле, ислам в Узбекистане не имеет политическую программу или амбиции на власть. То, что хотят мусульмане – это создание таких условий, при которых они могли бы удовлетворить свои необходимые религиозные потребности. Потребности, которые пока законодательством Узбекистана объявлены вне закона или преступлением.

Стоит подчеркнуть, что джихадизм для подавляющей части мусульман узбекистанского общества не может быть привлекательным ни сейчас, ни в ближайшей перспективе. Как уже было сказано, в Узбекистане путь джихада выбирают в основном те, у кого нет иного пути. Как и в других мусульманских обществах, в Узбекистане тоже есть «фактор большинства», который отвергает конфликтные пути реализации своих замыслов. Это же большинство, при демократических реформах, может стать причиной резкого снижения привлекательности узбекоязычных джихадистских организаций. Иными словами, демократия в мусульманских обществах может порождать исламистов, но она же способствует постепенному исчезновению джихадистов.

Узбекистан стоит на пороге больших перемен. Эти долгожданные перемены обусловлены с состоянием органа государственной власти. Кажется, что верховная власть уже выбрала своего преемника, и это возможный преемник, к сожалению, не в состоянии решить накопившиеся проблемы, в том числе, снизить большую напряженность вокруг религиозного фактора посредством политических реформ. Есть опасение, что нетерпимость властей к

критике может значительно усилиться. Рассматриваемые обстоятельства на фоне сложной ситуации в центрально-азиатском регионе и Афганистане, могут усилить позиции узбекоязычного джихадизма еще на долгие годы.

EXPERT WORKING GROUP
ЭКСПЕРТНАЯ РАБОЧАЯ ГРУППА

Экспертная рабочая группа является неправительственным некоммерческим объединением независимых узбекских экспертов и исследователей, внимание которых приковано к вопросам взаимодействия права и общественных интересов, фундаментальных прав и свобод человека, верховенства закона, демократизации и либерализации и развития свободной рыночной экономики в Узбекистане.

В своей работе ЭРГ руководствуется следующим девизом – Качество, Конструктивность, Объективность и Воздействие.

Контактные данные ЭРГ:

Республика Узбекистан, город Ташкент, 100037, Юнусабад-11, 11/22

Email: sukhrob.ismoilov@gmail.com

Тел: +99890 1895999

Аналитический доклад «Взгляды узбекоязычного джихадизма»

Руководитель проекта и редактор доклада: Сухробжон Исмоилов

Автор доклада: Камолиддин Раббимов

**© Авторские права принадлежат Экспертной рабочей группе и Камолиддину Раббимову
1 августа 2011 г., Ташкент, Узбекистан**